

Шесть лет переписки с И.С. Тургеневым 1856-1862

Источник: П. В. Анненков. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960. Вступительная статья, подготовка текста и примечания В. П. Дорофеева (Серия литературных мемуаров).

OCR: Слава Неверов slavanva(\$)\$yandex.ru, февраль 2007.

I

В 1856, то есть в год появления "Рудина" -- с чем связывают поворот в жизни самого автора,-- начинаются и частые отлучки Тургенева за границу [358]. С переменой царствования наступила и льготная пора для русских путешественников, которые высвобождены были от паспортных стеснений при отъезде, считавшихся прежде нужными для благоденствия и устойчивости порядка, что еще от времени до времени многими повторяется и теперь. Отмена формальностей при добывании паспорта, объявленная в эпоху коронации имп. Александра II, не могла касаться вполне Тургенева: он состоял еще под присмотром полиции, и для него требовалось соблюдение старых порядков ходатайства и особого разрешения. Много помог ему выпутаться из хлопот егермейстер Иван Матвеевич Толстой (впоследствии граф) своим влиянием [359]. Человек этот оказывал несомненные знаки личного расположения и внимания к Тургеневу, сопровождаемые, однако, по временам выговорами и замечаниями, когда последний слишком легко и свободно относился к его словам и наставлениям. Так, однажды, приглашенный И. М. Толстым на охоту и дав ему слово, Тургенев не почел за нужное обременять себя исполнением обещания и на другой же день получил от Толстого записку с замечанием, что поступок этот имеет вид и характер грубой неучтивости, которая, может статься, и находится в привычках автора, но которую не следует прилагать ко всякому.

Около того же времени мы имеем первое письмо Тургенева с дороги. Он внезапно уехал в Москву из Петербурга, вызванный издателем "Русского вестника", г. Катковым. Письмо это довольно любопытно. Оно рисует начало большой распри между писателем и журналистом, не упраздненной и смертью одного из них.

"Москва, 16 января 1856 г.

Любезный П. В. Я приехал сюда, хотя не с бронхитом, однако с расстроеной грудью и поселился у милейшего И. И. Маслова, в удельной конторе, на Пречистенском бульваре. Но оказывается, что я мог еще с неделю оставаться в Петербурге, потому что г-н редактор "Русского вестника", вытребовавший мою повесть 6 недель тому назад, не отвечавший ни слова на мои четыре письма, даже на последнее письмо, в котором я извещал его о моем отъезде и спрашивал о положении этого набора,-- велел мне вчера сказать, что моя рукопись только в будущую среду поступит ко мне в корректуру. Вот как следует учить сотрудников, чтобы они не забывались: Некрасов и Краевский никогда не достигали такой олимпийской высоты неделикатности, не заставляли больного человека скакать за 600 верст и т. д. Поделом мне! По слухам, повесть моя признана редакцией "Русского вестника" "образчиком нелепой бездарности". В таком случае, кажется, было бы лучшее возвратить ее автору. А впрочем, все это пустяки" [360].

Известно, что большая часть крупных ссор начиналась с подобных же пустяков. Дело, однако же, на этот раз уладилось. Нельзя же было предположить, что редакция такого органа, каким был тогда "Русский вестник", обозвала прелестный рассказ Тургенева "Фауст", -- ибо о нем идет дело,-- образчиком бездарности, а между тем неверный и преувеличенный слух об этом отзыве, если не породил, то укрепил раздражение автора [361]. Возвратясь в Петербург, так как более десяти дней он не располагал быть в отсутствии, и известив о том г. Каткова, Тургенев бросил корректуру, прибавляя в том же вышеприведенном письме: "Пусть они распоряжаются, как им угодно!" В Петербурге он отдал свой рассказ в "Современник", где тот и появился в 10-й книжке журнала: "Фауст, рассказ в девяти письмах" ("Современник", 10-я книжка, 1856). Но и этого мало. В объявлении об издании журнала в следующем 1857 году редакторы "Современника" извещали, что четыре первоклассных литератора, во избежание неудобств конкуренции, согласились печатать свои произведения исключительно в журнале